

*Мария Ферретти,
Высшая школа исследований
общественных наук,
Италия*

Сталин умер вчера: авторитаризм в политической культуре современного русского либерализма

Я разделяю довольно мрачные прогнозы высказывавшихся здесь о том, куда идет Россия. Мой пессимизм касается особенно судьбы демократии, о которой мечтали в те, уже кажущиеся такими далекими, времена, вошедшие в историю под названием "перестройки". В частности, хотелось бы обратить внимание на один, по-моему, ключевой момент: авторитаризм политической культуры современного русского либерализма, авторитаризм, носителем которого стала интеллигенция, оправдывающая авторитаризм властей, — от разрушения Советского

Союза и отстранения М.С.Горбачева до расстрела Белого дома. Как получилось, что те демократические идеалы, во имя которых интеллигенция втянулась в перестройку, переродились в авторитаризм? Поскольку политическая культура интеллигенции сформировалась в процессе переосмысления прошлого, и особенно советского прошлого, трагической эпохи сталинизма, постольку именно с этого я хочу начать свои размышления на предложенную тему.

В то далекое лето 1987 г., когда только что освобожденное гласностью слово начало звучать, М.Я.Гефтер смог опубликовать, после многих лет вынужденного молчания, довольно короткую, но очень ценную статью "Сталин умер вчера"*. Этот небольшой по объему текст Михаила Яковлевича очень ценен не только с точки зрения исторического анализа (хотя и это есть), но, особенно, потому, что затрагивает тему до сих пор еще не осознанного русской демократией урока — тема взаимосвязи сталинизма, свободы личности и политической системы.

Трагедия превращения революции с ее идеалами свободы и справедливости в сталинизм являлась, по Гефтеру, мучившемуся всю свою жизнь над этим проклятым вопросом, результатом длинной череды *упущенных альтернатив*. Возможность выбора пути существовала в 1923—1924 гг., когда наметилось поражение левой оппозиции. Возможность выбора представлялась в 1928 г., когда Бухарин оказался в оппозиции, и, наконец, появлялась она и в 1934 г., накануне убийства Кирова. И всякий раз после того, как выбор был сделан, все больше и больше сжималось поле альтернатив, вплоть до их полного исчезновения. В своей сущности сталинизм был для Гефтера уничтожением какой-либо возможности альтернативы, т.е. сводилась на нет роль субъекта путем лишения его свободы выбора. Писать "Сталин умер вчера" в 1987 г. значило для Михаила Яковлевича, что с перестройкой снова открылось поле альтернатив, что советское общество снова могло стать субъектом истории, взять в руки свои судьбы и решить свое настоящее и будущее. Писать "Сталин умер вчера" — это была всего лишь надежда. Текст ясно показывает, что процесс десталинизации неотделим от процесса становления политической свободы, понимаемой как пространство, где сочетаются различные интересы, стремления и потребности, в общем, где реализуется свобода личности. Отказ от примитивного детерминизма "исторических закономерностей", легко оправдывающих всякую политику, снимающих с человека всю ответственность, был для Гефтера началом свободы личности, которая может осуществиться только при внутренней — кроме, конечно, "внешней" — способности думать всегда в терминах альтернатив. Мышление, допускающее альтернативы во множественном числе, противостоит мышлению по принципу "или-или", который как раз и означает отрицание альтернатив.

Вначале тема альтернатив занимала главное место в спорах о сталинизме, потом отошла на второй план, а затем подверглась полному отрицанию. (Об отдельных "упрямцах" в данном случае можно не говорить.) На первом этапе, который условно можно

* Первая сокращенная версия появилась под названием "Надо ли нас бояться" в журнале "XX век и мир". 1987—1988 гг. Полный текст см. в: *Гефтер М.Я.* Сталин умер вчера // Рабочий класс и современный мир. 1988. № 1.

датировать 1987—1989 гг., идея существования альтернатив сталинского поворота 1929 г. господствует в реформаторском лагере (тогда как консерваторы ее отрицают, ссылаясь на "необходимость" сталинского выбора 1929 г.). Для реформаторов, в особенности для демократической интеллигенции, защита альтернатив — это обоснование требования создать демократические институты: раз не существует субъект, который априорно является носителем "закономерностей истории" (роль, на которую всегда претендовала КПСС), выбор пути может быть сделан только "уполномоченными народа", избранными путем всеобщих выборов. Подобная мысль, кстати, была четко сформулирована в статье Л.Баткина "Возобновление истории"* . Эта "смена вех" в источниках легитимации власти — от каких-либо носителей "закономерной истории" к носителям "воли народа" — нашла отражение в полудемократических всеобщих выборах I Съезда народных депутатов СССР в мае—июне 1989 г. Часто недооцениваемая интеллигенцией важность этого события заключается в том, что оно обозначает начало процесса "секуляризации" власти в СССР, т.е. отделения партии от государства. С этого момента начался процесс размежевания в реформаторском лагере между умеренными реформаторами, собирающимися около Горбачева, и радикально настроенными лидерами, создающими Межрегиональную депутатскую группу — первую институционализированную оппозицию, открывшую путь к власти Б.Н.Ельцину. В этом контексте решается и дальнейшая судьба понятия альтернатив при пересмотре прошлого.

Признание существования альтернатив после Октябрьской революции значило, что сталинизм не считался неизбежным следствием революции. Взгляд на альтернативы 20-х годов довольно резко меняется в либеральной публицистике на следующем этапе пересмотра прошлого, когда на скамье подсудимых оказалась сама Октябрьская революция. Критика Октябрьской революции как переворота, сводившего на нет начатые Февральской революцией демократические преобразования, появляется в середине 1989 г., когда политические битвы на I Съезде народных депутатов напомнили об Учредительном собрании, роспуск которого был доказательством неуважения большевиков к демократическим принципам. Это "открытие" обосновывает легитимность выдвинутого в конце 1989 г. требования изменения Конституции (снять ст. 6, признающую руководящую роль КПСС). Вспомним, между прочим, что во время первой массовой демонстрации в феврале 1990 г. главный лозунг, выдвинутый тогда Ю.Афанасьевым, как бы возвращал к идеалам Февральской революции 1917 г. При переосмыслении прошлого роспуск Учредительного собрания становился главным доказательством разрыва Октябрьской революции с демократическим курсом, что резко уменьшало роль сталинизма в становлении советской системы и подчеркивало, наоборот, роль самого Октября. Этот новый взгляд на прошлое был отчетливо сформирован уже весной 1990 г.: его первое полное изложение — опубликованная в "Новом мире" статья А.Ципко "Хороши ли наши принципы?"** Согласно

* Боткин Л. Возобновление истории. — В кн.: Иного не дано. М., Прогресс. 1988.

** См.: Новый мир. 1990. № 4.

статье, сталинизм был закономерным и неизбежным последствием Октября, являющегося чем-то вроде коварного и грубого переворота, осуществленного большевиками с целью провести в России "эксперимент", сущностью которого было воплощение в жизнь теории Маркса. Следовательно, никаких альтернатив в послеоктябрьской истории и быть не могло: Россия была насильственно уведена с "естественного пути", ведущего к прогрессу, рынку и демократии, — с пути, по которому шел Запад. Безоговорочное определение Октябрьской революции как чисто военно-политического переворота, осуществленного узким кругом "бандитов" во имя марксистской идеологии, выбрасывает из поля зрения всю сложность социальных противоречий тогдашней России и позволяет создать мифической образ некоей процветающей страны, которая, *если бы не было* такой страшной случайности — Октября, стала бы богатой и счастливой державой.

Очень быстрое распространение этой новой интерпретации прошлого объясняется многими причинами. Здесь отметим лишь две из них. Такое представление о прошлом, во-первых, очень утешает, поскольку, с одной стороны, снимает с общества и с каждого его члена чувство коллективной вины за трагедию сталинизма и, с другой — приносит травмированному обществу уверенность в том, что богатство и счастье придут в будущем именно потому, что они *уже* существовали в прошлом. Надо только поставить конец несчастному эксперименту, и все будет возвращено в "нормальное русло". Эта идея вдохновляет оппозицию набирающих силу радикал-демократов Горбачеву, которого они обвиняют в медлительности и нерешительности в проведении в жизнь реформ, требуя немедленного отказа от социализма и прямого "скачка" к рынку, к демократии. Именно эта функция легитимации идеологии радикализма обеспечила новому взгляду на прошлое успех и распространение.

Показательно быстрое и легкое забвение призыва о возврате к демократическим идеалам Февральской революции. Само по себе это неудивительно. У тех, кто считает Учредительное собрание воплощением демократической воли России, сразу возникает очень неудобная проблема: поскольку большинство голосов было отдано эсерам, "демократическая воля" России высказалась против реализации "западного пути" в экономическом и политическом переустройстве России. Стремления народа были иными. Февраль был тут же забыт. Возник миф великого реформатора Столыпина*. Вспомним, что именно он стал знаменем борьбы "демократической России", возглавляемой Ельциным, против "антиреформаторского Советского Союза" и Горбачева на II Съезде народных депутатов России осенью 1990 г.

От обличения сталинизма к мифологизации Столыпина — как бы это ни выглядело парадоксально, процесс осмысления прошлого, начатый возрождением идеи альтернатив, закончился ее новым отрицанием и восстановлением новых "закономерностей истории". Потеря альтернатив сама по себе рождает авторитаризм, потому

* О канонизации Столыпина см. *Петров Р.* Петр Столыпин: одиночество реформатора // Россия. 1990. 22 ноября; *Садов А.* Обморок от свободы // Литературная газета. 1990. № 39; П.А.Столыпин и его аграрная реформа // Вопросы экономики. 1990. № 10 (заметим, что главным редактором журнала был в то время Г.Попов).

что "носитель" законов, будь он индивидом, партией или даже интеллигенцией *in concreto*, ставится над всеми демократическими институтами. И не случайно, что первый призыв к "железной руке" во имя проведения в жизнь рыночных реформ прозвучал именно в радикально-демократическом лагере: это была известная статья И.Клямкина и А.Миграняна в "Литературной газете" уже летом 1989 г. под названием "Нужна ли "железная рука"?". Согласно Миграняну, настоящего отца этой концепции, излагаемой им и в других статьях** "железная рука" "демократического диктатора" необходима, чтобы осуществлять переход к рынку, требующий большого напряжения сил со стороны простых людей. По Миграняну, который обосновал свою теорию на довольно фантастическом обобщении "мирового" опыта (он поставил в один ряд, например, французский абсолютизм, франкистский режим, режим Пиночета и т.д.), демократия является "необходимым" и закономерным последствием рыночной экономики: пока же нет рынка, нужна "просвещенная" диктатура... Заметим, что у радикал-демократов эта идея сильно укоренилась: можно было бы вспомнить, например, известную статью Г.Попова под претенциозным названием "Что делать?"***. Согласно этому взгляду, демократия — не метод решения конфликтов и устранения противоречий интересов и стремлений разных социальных сил путем представительских институтов, а некий будущий рай, который новые носители "закономерностей истории" будут строить для общего счастья вне какого-либо контроля со стороны общества. Места для альтернатив в этом взгляде нет. Здесь — истоки авторитаризма в политической культуре современного русского либерализма. Эта культура не воспринимает компромисс как способ решения проблем; в поиске компромиссов она видит только проявление "слабости" перед силами, "фактически мешающими" проведению в жизнь "правильных" мероприятий.

В этот способ мышления вполне вписывается и поддержка Ельцина, расстреливающего Белый дом, и разные голоса о "незрелости" русского народа для полнокровной демократии. Кстати, по поводу "незрелости" русского народа хотелось бы добавить, что это суждение вполне соответствует представлению интеллигенции о собственной роли в "проклятом треугольнике", связавшем интеллигенцию, народ и власть. Владение знанием позволяет интеллигенции считать себя некоторым особенным носителем "Правды", совпадающей в конечном итоге с народным благом. На этом же основывается легитимация ее прямых отношений с властью — без посредничества каких бы то ни было представительных институтов — и ее деятельности во имя народы. Это представление о себе как носителя "Высшей Правды" само по себе меняет источники легитимации власти, которые снова отходят от выражения воли народа путем демократических выборов к осуществлению его интересов властью, послушной умным советам интеллигенции. В этом контексте народ является "зрелым", когда он признает своей волю, выраженную

* Литературная газета. 1989. № 39.

** См. например- Долгий путь к европейскому дому // Новый мир. 1990. № 7.

*** Попов Г. Что делать? М, 1990; см. *он же*. Перспективы и реалии // Огонек. 1990 № 90

интеллигенцией, и "незрелым", если от нее отказывается: тогда он становится не народом, а люмпеном, не имеющим зрелости, а, следовательно, и права на выражение своего мнения и воли.

Во имя высших "закономерностей истории" были в эти годы упущены альтернативные решения многих проблем. Россия опять оказалась, по-моему, накануне становления нового авторитарного режима, не имеющего ничего общего с демократией, о чем, кстати, свидетельствует чеченская трагедия. Идеологическая легитимация этого режима была отработана радикально-демократической интеллигенцией, поддерживавшей до Чечни Ельцина именно как человека, призванного воплощать в жизнь "закономерности истории" для перехода к рыночной экономике. Логика "или-или", "с нами или против нас" была снова пущена в ход. Гефтер предполагал, что сталинизм — ярко выраженное господство этой логики, во имя которой уничтожается сама возможность поиска альтернатив. Мне кажется, закономерно задавать вопрос: а действительно ли умер Сталин, или он глубоко сидит в самом образе мышления русского современного либерализма? После расстрела Белого дома Михаил Яковлевич имел мужество перейти в оппозицию новым кремлевским властям. Может быть, стоит осмыслить этот урок и еще раз взглянуть на прошлое?